

ДВЕ НОВЕЙШИЕ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ ВОСТОКА И МИРА (О.Е. НЕПОМНИН VERSUS Л.С. ВАСИЛЬЕВ)

Л.Б. Алаев

Бывшие советские ученые не разобрались со своим прошлым. Что устарело из нашего прежнего теоретического багажа — по происхождению марксистского или усвоенного через марксизм, — а что остается операционным? Создалась некая смесь обрывков разнообразных концепций, не увязанных друг с другом и создающих впечатление хаоса. Непонятно, отброшена ли теория формаций, во всяком случае, ничего не предложено взамен. Цивилизационный подход не может служить заменой, поскольку он не нацелен на изучение движения.

Настало время вернуться к методологическим вопросам исторического процесса.

В данной статье предлагается критический разбор и сравнение концепций, представленных в недавно вышедших трудах двух китаистов¹. Концепцию Л.С. Васильева, строго говоря, нельзя назвать новой, поскольку в основных чертах она сложилась еще в 1970-е гг., но она получила в упомянутых томах некоторые новые акценты. Кроме того, она опубликована в качестве учебного пособия для высшей школы² и, насколько я знаю, активно используется в преподавании, так что ее разбор представляется актуальным.

В свое время, когда шагу нельзя было ступить без Карла Маркса или, в крайнем случае, Фридриха Энгельса, Л.С. Васильев выступил как сторонник «азиатского способа производства» (АСП). Потом, когда наступила идеологическая свобода, но от привычного словоупотребления еще трудно было отказаться, он стал вместо АСП употреблять выражение «го-

сударственный способ производства». Сейчас, судя по последней книге, автор остановился на формулировке «восточная структура». Книга написана заново, а не просто повторяет текст двухтомника «История Востока», который вышел уже шестым изданием. Теперь маститый ученый решил вписать историю Востока в историю всего человечества. Вернее, вписать историю человечества в историю Востока, что вполне закономерно, потому что история Востока — это история большинства человечества и наибольшая часть этой истории, т.е. 6 тыс. лет против 2,5 тыс. лет истории Европы. Ознакомившись с последней книгой Л.С. Васильева, лишней раз убеждаешься, что всемирную историю должен писать востоковед, и только востоковед.

Концепция строится во многом на отвержении марксизма, особенно исторического материализма, который, по мнению Васильева, является вульгаризацией марксизма. Представляется, что его ожесточенность несколько запоздала, особенно если учесть, что учебное пособие рассчитано на студентов, которые не проходили «Основ марксизма-ленинизма» или «Марксистско-ленинской философии». Васильев продолжает увлеченно бороться с поверженным врагом, при этом иногда с перехлестом.

Автор несправедлив к себе, когда он заявляет, что суть предложенного в книге «нового сводится к тому, чтобы поставить под сомнение созданную марксизмом схему базиса и надстройки» (II, с. 403)³. Содержание книги несколько богаче. Васильев не только отрицает классовую борьбу как основную движущую силу

истории, но и само существование социологической категории класса. А это уже неразумно, потому что классы явственно проявляют себя в общественной жизни и данная категория употребляется в той социологии, которую мы раньше называли «буржуазной». Оперирование понятием «класс» вовсе не означает признания антагонистичности классовых отношений, веру в революции как локомотивы истории и в конечную победу коммунизма (I, с. 54).

Отрицается даже наличие эксплуатации на традиционном Востоке. Там происходил «обмен деятельностью»! «Низы трудились, верхи управляли... Каждый из многочисленных социальных слоев, каждая из категорий подданных делали свое дело и были необходимы для нормального функционирования социально-политического организма в целом» (I, с. 248). Подобный пассаж, мне кажется, не требует комментариев.

Автор до предела вульгаризирует марксистское положение о первичности экономического фактора и после этого его, конечно, успешно опровергает (II, с. 404, 432). Упрощения марксистских взглядов досадны не только сами по себе, но и потому, что действительно могут ввести в заблуждение современных студентов, не знакомых с теорией К. Маркса и со всеми трудами по ее развитию. Другими словами, такая подача нанесет ущерб их образованности.

При всей враждебности Л.С. Васильева к марксизму он продолжает упорно привлекать в свою поддержку идею К. Маркса об «азиатском способе производства», как это делали все «азиатчики» сорок лет тому назад, когда без такой поддержки вообще слова нельзя было сказать. Маркс служил довольно крепким щитом всем тем, кто выдвигал новые идеи. Но зачем навешивать на себя щит сейчас, когда никто не нападает? Марксова идея современному Васильеву совершенно не нужна, тем более что для ее приспособления к своим нуждам ему приходится выворачи-

вать ее наизнанку, т.е. утверждать, вопреки очевидности, что Маркс этим термином хотел подчеркнуть специфику Востока и что «азиатский способ» не встраивался в его же, Марксову, схему формаций (I, с. 53, 60; II, с. 30, 411, 414).

Не думал я, что мне придется на старости лет возвращаться к проблеме, столь жгучей в 1950–1960-е гг.: **что** именно Маркс понимал под «азиатским способом производства»? Право же, этот вопрос сейчас не имеет ни малейшего значения. Но что делать, если в книге, которой по всем признакам предназначена славная судьба (как настольной книге российского студенчества), снова реанимируется эта проблема, причем дается совершенно ошибочная ее трактовка? Кроме того, формулировка АСП все еще популярна среди отечественных гуманитариев⁴.

Я уже все это излагал⁵, но приходится повторяться. Нет никаких свидетельств того, что «азиатский способ» каким-то образом «не вписывался» в схему формаций. Везде, где Маркс упоминает этот «способ», или «азиатские порядки», они стоят в перечислении на первом месте, т.е. являются синонимами первобытности. Маркс ввел в свою схему «азиатский» этап **не для того**, чтобы подчеркнуть особенности Востока, а с совершенно противоположной целью — **чтобы вписать его** в общую схему, выделив для него первую ступень. В своих работах он **четырежды** дает понять, что «азиатский строй» — это и есть первая ступень **европейской** истории. Боюсь, что если я просто укажу, на каких страницах сочинений Маркса это говорится, то никто не полезет искать пыльные уже теперь тома, и мое заявление будет воспринято как просто еще одно мнение. Но вот судите.

В 1859 г. К. Маркс в работе «К критике политической экономии» в сноске пишет, что первобытная общинная собственность не есть русская особенность и продолжает: «Более тщательное изучение азиатских, особенно индийских

форм общинной собственности показало бы, как из различных форм первобытной общинной собственности вытекают различные формы ее разложения. Так, например, различные оригинальные типы римской и германской частной собственности могут быть выведены из различных форм индийской общинной собственности⁶. Затем он переносит ту же сноску во второе издание 1-го тома «Капитала»⁷. В другом месте того же первого тома «Капитала» содержится иная сноска. В ней говорится, что крестьянское хозяйство и независимое ремесленное производство «образуют экономическую основу классического (т.е. античного — Л.А.) общества в наиболее цветущую пору его существования, после того, как первоначальная восточная общая собственность уже разложилась, а рабство еще не успело овладеть производством в сколько-нибудь значительной степени»⁸.

Это была еще только гипотеза. Но 14 марта 1868 г. Маркс пишет Энгельсу, что «штудировал... новейшие сочинения старика Маурера» и убедился, что «выдвинутая мной точка зрения о том, что азиатские или индийские формы собственности повсюду в Европе были первоначальными формами, получает здесь (хотя Маурер ничего об этом не знает) новое подтверждение»⁹.

Сейчас эти высказывания вызывают недоумение. Трудно понять, как образованный и неглупый человек XIX в. мог считать, что современный ему Восток находится на первобытной стадии. Васильев как будто бы понимает, что Маркс хочет сказать, и восклицает: «Казалось бы, это нонсенс» (т. I, с. 55, 53). Да, нонсенс. Да, он «оставил в недоумении своих активных последователей», потому что они не могли принять, что Маркс высказывает явную несообразность. Но Карл Маркс заслужил право на собственное мнение, и не надо его искажать.

Вывод, который неизбежно вытекает из сказанного: концепция Васильева в этой части не может опираться на Маркса.

Леонид Сергеевич отверг теорию Маркса. Прекрасно. Но тогда зачем ему одна из явно неудачных гипотез этого мыслителя? А дело в том, что ему, как и всем нам, трудно освободиться от марксистского прошлого и прежних методов аргументации.

Это видно уже в главах, посвященных первобытности и процессу возникновения государства. Впечатление таково, что в данных вопросах автор недалеко ушел от Энгельса, вернее, от уровня науки о первобытном обществе второй половины XIX в. — эволюционизма, представления о развитии от простого к сложному, от общины к частной собственности и т.п. Справедливости ради надо отметить, что недалеко ушла и дисциплина, называемая «историей первобытного общества», а также социальная и культурная антропология. Антропологи опираются на этнографический материал обществ, которые сейчас считаются «первобытными». То есть они пытаются сконструировать процесс, движение на материале неподвижных социумов. Пытаются понять, как люди шли к цивилизации, изучая народы, которые никуда не идут! Данные разных племен склеиваются в единую картину при помощи логики, т.е. собственных представлений антрополога, как должно бы идти развитие.

Конкретно такой логический подход к ранним этапам истории приводит к нескольким ошибкам. Одна из них — постулируемая некая «свободная община», в которой старейшина «распределяет» пашню и уголья (I, с. 138, 140–141). Земля «традиционно считалась прежде всего коллективным владением общины» (I, с. 149). Здесь же упоминается о прекращении будто бы существовавших раньше регулярных переделов семейных участков. Так можно было писать в середине XIX в., когда логический однолинейный подход к первобытной истории превалировал, когда процесс возникновения земледелия еще не был известен,

когда еще не было понятия «неолитической революции». Сейчас же ясно, что с возникновением оседлости и земледелия участки пахотной земли сразу же становились семейными владениями, и община не занималась регулированием землепользования. Я писал об этом¹⁰, но это не просто мое мнение. Я опирался на труды российских и немецких ученых, авторитет которых высок. Как бы ни относиться к концепциям Ю.И. Семенова, никто не будет отрицать его энциклопедическую образованность в части сведений о первобытных и раннеклассовых обществах. И он утверждает, что нет **ни одного примера** коллективного хозяйства или переделов земли на этапе ранней земледельческой общины¹¹.

Проблему общины Васильев рассматривает так, как ее рассматривали в позапрошлом и в прошлом веках, но когда-нибудь этому бездумному схематизму надо положить конец. Я уверен, что представление о некогда общем общинном хозяйстве и о последующих переделах земли проникло в труд Васильева непосредственно из набросков письма К. Маркса к В. Засулич¹².

В принципе тот же источник у Васильева и при рассмотрении общины у древних германцев — а именно «Марка» и «К истории древних германцев» Ф. Энгельса. Согласно взглядам полуторастолетней давности, аллод превращается в частную собственность, происходит расслоение мелких собственников, возникают крупные землевладения, хозяева которых делают крестьянство «феодално-зависимым». Существует община в виде «сельского схода», который имеет право «выносить необходимые и обязательные для населения общины вердикты» (II, с. 231). А.Я. Гуревич давно показал, что эта схема надумана и не имеет общего с реальностью¹³. И ему никто не возразил. Аллод не становился частной собственностью. Скупка аллодов в те времена была немислимой. Общины в то время не существовало. Хозяе-

ва жили отдельными хуторами. В данном сюжете снова заметно, что освободиться от старомарксистских представлений очень сложно.

Другая ошибка, вытекающая из антропологического подхода к истории, — конструирование схемы возникновения власти-собственности, т.е. становления эксплуатации общинников при помощи взимания с них налога. Налоговая система — по логической схеме — возникает путем усиления власти руководителя коллектива, вождя, который становится государем.

Между тем ранние цивилизации базировались не на мелких хозяйствах, обложенных «рентой-налогом», а на крупных хозяйствах или хозяйственных комплексах, принадлежавших храмам или казне, в которых работали зависимые люди, лишенные не только собственности на землю, но часто и вообще какого-либо имущества. Это демонстрирует и древнейший Египет, и ранние государства Месопотамии (самый яркий пример — III династия Ура), и древний Китай (от этих хозяйств сохранились склады каменных серпов). Васильев называет древнеегипетскую хозяйственную систему «казарменно-командной» (I, с. 176). Удачное выражение. Но возникновение подобной системы, а именно широкого слоя работников, лишенных имущества и находящихся на положении, близком к рабскому, концепция постепенного усиления власти вождя и появления ренты-налога не объясняет. Другими словами, вся эта тщательно сконструированная, я бы даже сказал, отглаженная схема возникновения государства оказывается бесполезной для уяснения конкретного процесса, шедшего в V–III тысячелетиях до н.э. на Ближнем Востоке, в долине Нила и, надо полагать, в других местах.

Переход от системы крупных казенных хозяйств к мелкому крестьянскому хозяйству, пользующемуся известной хозяйственной самостоятельностью и эксплуатируемому при помощи нало-

га, было существенным шагом вперед, совершившимся к концу эпохи очаговых цивилизаций и знаменовавшим переход к средневековым порядкам. Но Васильев этого не желает замечать. Для него «будь то Египет с его высокой степенью централизации или Индия с ее исключительно прочной практически автономно существующей общиной» демонстрируют «принципиальное сходство». В обоих случаях он видит власть-собственность и централизованную редистрибуцию. «Неважно, как это выглядело конкретно и какой принимало облик» (I, с. 246). Ему неважно, а мне важно. Я историк. И если я вижу, что в одном случае государство организует процесс производства через бригады работников, контролирует каждого производителя и диктует ему все сельскохозяйственные операции и выращиваемые культуры, а в другом случае всем этим совершенно не интересуется, а озабочено только сбором налога с хозяйственно самостоятельных производителей, то я заявляю, что это разные системы (структуры, способы производства) и **разные общества**¹⁴.

Второй после «власти-собственности» пароль для входа в васильевскую «операционную систему» — это «централизованная редистрибуция». «В зависимости от титула, ранга, должности, родственной близости к правителю и некоторых иных обстоятельств каждый из них (власть имущих. — Л.А.) получал из государственной казны то, что ему полагалось, причем именно это и было централизованной редистрибуцией» (I, с. 247). Но ведь мы отлично знаем, что подобные ситуации были на Востоке крайне редки. Даже в Китае, где чиновники вроде бы получали жалованье из казны, на самом деле они кормились взятками, которые собирали на месте своей службы и которые взятками в то время не считались. Что же касается Индии, стран Ближнего и Среднего Востока, то там основной формой вознаграждения за «титул, ранг, и близость к правителю» служила раздача земельных

владений — *икта, тиулей, сююргалов, тимаров, зеаметов, джагиров*.

Можно, конечно, аргументировать, что земля и доход с нее — это собственность государства и в этом смысле тоже «казна», так что «военные лены», как их часто (может быть, неправильно) называют, — это тоже «централизованная редистрибуция». Но так может рассуждать только современный аналитик. Тогдашние *иктадары, тиульдары* и *джагирдары* отлично понимали разницу и отчаянно сопротивлялись, когда их хотели перевести с вознаграждения земельным владением на жалованье из казны. Так что «централизованная редистрибуция» — это тоже термин, обнимающий несколько вариантов строения правящего слоя.

Из «власти-собственности» логически вытекает «рента-налог». Эта категория — еще один осязаемый «осколок» марксистского взгляда на Восток. Автор настаивает на том, что на Востоке налог и был рентой за землю (I, с. 140). Но ведь хорошо известно, что там имелись зажиточные налогоплательщики (в Китае — «крупные» и «средние» дворы, в Индии — *заминдары*), эксплуатировавшие арендаторов и разного рода зависимых и рабов. Они скупали земли и могли их продавать — следовательно, получали ренту, иначе земля не могла бы быть товаром. Ясно, что, как правило, налог не совпадал с рентой, и общинник выступал как собственник земли (подчиненный, зависимый, угнетенный — но все же собственник).

Подданные (кроме высшего слоя) отнюдь не были беззащитны перед лицом деспотической власти. Общины, корпорации, семейно-клановые коллективы, землячества и то, что называется «цехами» в городах, религиозные секты и тайные общества — они не просто «смягчали произвол», они обеспечивали функционирование всей системы в условиях отсутствия правовых гарантий жизни и имущества. Об этом вполне четко написано в I томе на стр. 252–253.

Основной нерв концепции Л.С. Васильева и основная идея рецензируемой книги — необратимая бифуркация человечества в середине I тысячелетия до н.э., возникновение «Запада», который и стал со временем современным западным обществом. Автор считает, что капитализм Нового времени развился непосредственно из античного общества, что это, собственно говоря, одно и то же общество («антично-капиталистическое»).

Автор многократно убеждает читателя, что для античного общества были характерны полная неограниченная частная собственность (I, с. 16, 422, 429, 436, 440). Непонятно, как все это можно утверждать, зная о том, что земля считалась собственностью города (общины). И в Греции, и, особенно, в Риме значительная часть земли оставалась в общей собственности города (*ager publicus*). Как можно говорить о свободной частной собственности, если в Афинах был «установлен земельный максимум», что ограничивало скупку земли (в Риме тоже, см. с. 360, 378), а до Солона имущество умершего становилось собственностью его фило (I, с. 307). Спартиаты вообще отрицали свою частную собственность (I, с. 305). Братья Гракхи опирались при проведении своих реформ на глубокое чувство общности, общности, пронизывавшее римское общество, явно противоречащее идее частной собственности. Известны случаи беспричинной конфискации земли у богатых только потому, что они богаты (I, с. 300, 308). Как в данных случаях обстоит дело с уважением к правам частной собственности?

Удивляет автор и тогда, когда говорит о свободе древних греков и о правах их личности (II, с. 419). Оказывается, спартиаты «были свободными и полноправными гражданами своего государственного образования», и при этом «власти активно вмешивались во все мелочи жизни членов “общины равных”» (I, с. 304, 305). Как увязываются права личности с остракизмом в Греции и с проскрипци-

ями в Риме? В античном обществе действовали существенные ограничения «прав личности» со стороны общины.

Афинскую и существовавшую еще в нескольких полисах демократию автор склонен представлять нам как ранний вариант современной европейской. «В античности возникло демократическое общество свободных граждан» (II, с. 415). Он часто говорит о «выборах» и даже «электорате» (I, с. 441; см. также с. 442). Но известно, что представительной демократии греки не изобрели, выборов в современной понимании не было, все решалось жребием.

Смысл явной модернизации античных порядков, предпринимаемой Леонидом Сергеевичем, заключается в том, чтобы выстроить единый европейский путь развития — от Афин до Лондона и далее до Вашингтона (I, с. 9, 447; II, с. 230). «Западный мир ... наследник античной демократии» (I, с. 9). Средние века были «весьма значительным промежутком между двумя эпохами торжества Запада» (I, с. 447). Более того, и сейчас в мире господствует «античная структура» (II, с. 42–43, см. также с. 416).

Чтобы убедить в этом, надо не только «очистить» Древние Грецию и Рим от всего древнего (т.е. «античного»), но и выбросить из истории Европы Средние века. Нужно утверждать, что, с одной стороны, и после падения Рима сохраняются некие «традиции личной свободы граждан» в городах раннего Средневековья (II, с. 34; интересно, каких именно), а с другой стороны, что Западную Европу захватывают орды «варваров-кочевников», пришедших с Востока (II, с. 24; ниже, на с. 34 они названы «полукочевниками»), что совершенно неправильно. Германские племена были оседлыми и ко времени завоевания Западной Римской империи имели «стаж» пребывания в Европе не меньший, чем греки и римляне. Когда речь идет о завоевании Рима варварами, среди племен автор упорно упоминает гуннов (I, с. 444),

хотя известно, что гунны были разбиты на Каталаунских полях и отброшены и к созданию варварских королевств никакого отношения не имели. Но они нужны автору, чтобы утверждать, что эти королевства были «восточными по структуре» (I, с. 445) и даже «генетически родственны прежде всего Востоку» (II, с. 33).

Возникает новая неувязка. С одной стороны, «восточная структура», по Васильеву, это сильное государство и «**централизованная** редистрибуция». С другой стороны, «феодализм в Западной Европе», который «был плотью от плоти классической восточной структуры» (II, с. 37, см. также с. 44), — это «**децентрализованная** редистрибуция в политически ослабленных государствах» (II, с. 33).

Появление античного общества действительно было величайшим событием в жизни человечества (наряду с возникновением морали в «осевое время» и взлетом Западной Европы в XV–XVII вв.). Наследие античной науки, искусства и политических идей действительно сыграло огромную роль в дальнейшем развитии всего мира. Без этого наследия даже арабо-мусульманская цивилизация не состоялась бы такой, какую мы знаем. Понятно, что для Западной Европы это наследие сыграло еще более значимую роль, чем для Ближнего и Среднего Востока. Но Европа не просто «развила» античные идеи. Она преумножила наследство: создала новую науку (опытную, ту, что мы сейчас называем наукой), новое искусство и новую политическую систему. Городское самоуправление Средневековья возникло самостоятельно, не на базе античных традиций. То же можно сказать о Парламенте, Генеральных штатах или кортесах. Это были **сословные** собрания, т.е. институт, принципиально отличный от античных органов самоуправления. Средневековая наука (схоластика, алхимия) имела европейское и арабо-мусульманское происхождение, это отнюдь не было «развитием взглядов» Сократа, Платона или

Аристотеля. Идея приоритета прав личности над правами коллектива (общества), лежащая в основе современного европейского общественного порядка, просто не могла возникнуть в недрах античного общества и потребовала значительных усилий в борьбе с церковью и государством в Средние века.

Современный исследователь утверждает: «В Средние века афинская демократия практически была неизвестна», а когда с ней познакомились в период Возрождения, то европейские мыслители ее еще долго порицали¹⁵. Нельзя забыть, что античность пришла в упадок. Сейчас не станем определять, по какой причине. Даже если это действительно была попытка выйти на современные буржуазные нормы, то необходимо признать, что она окончилась провалом.

Я согласен с Л.С. Васильевым, что возникновение античного общества можно счесть «социальной мутацией». Но, во-первых, надо понимать, что это означает. Слово «мутация» взято из генетики, где оно означает **случайный сбой генов**. Таким образом, говоря «мутация», мы утверждаем, что **не можем объяснить** случившееся. А во-вторых, эта мутация открыла **путь**, по которому пошла Европа, и этот путь состоял из нескольких этапов, каждый из которых был ею **преодолен!** Средневековье было не просто «перерывом» в становлении западноевропейской цивилизации, но важным периодом ее созревания.

Рассмотрение истории средневекового Востока в новой книге Л.С. Васильева в целом сохранилось таким же, как и в его предыдущих работах. Он продолжает утверждать, что ничего принципиально нового в Средние века не произошло, и он рассматривает Древность и Средневековье отдельно только для удобства изложения (II, с. 72–73). Однако и здесь, как и в разобранных выше положениях, его позиция несколько усложняется и потому становится противоречивой. Средневековый Восток имел «мало общего

с древневосточными цивилизациями» (I, с. 17). Однажды он упоминает духовные изменения, отмечаемые в Средние века (I, с. 438), имея в виду мировые религии и укрепление конфуцианства в Китае. Отмечаются «открытие и широкое применение новых технологий», «достижения культуры» и то, что «Восток видоизменился и в плане преобладающего типа государства» (II, с. 19). Имеются в виду крупные империи. Признается, что в Средние века произошло «расширение зоны, освоенной урбанистической цивилизацией» (II, с. 22), а также значительное развитие торговли, в том числе караванной (II, с. 25). Но всему этому, по мнению автора, не следует придавать серьезного значения: «речь не идет о каких-либо принципиальных структурных различиях» (I, с. 427, выделено автором; см. также II, с. 18).

Что автор понимает под «структурными различиями»? Мы ведь теперь не обязаны искать «способ производства». Изменение характера государственности и распространение новых, именно мировых, религий — это незначительные изменения? Видны изменения и в экономике. Государство отказывается (даже в Китае) от вмешательства в землевладение и землепользование общинников.

В связи с этим вернемся к понятию «власть-собственность». Леонид Сергеевич настаивает на своем приоритете в его выработке. Пусть будет так. Но нас интересует не только роль Л.С. Васильева в науке, но и существо проблемы феодальной собственности на землю. Между тем еще советские медиэвисты в свое время обращали внимание на то, что при феодализме большое значение имеют личностные и властные отношения. А.Я. Гуревич в ряде работ обратил внимание на то, что понятия «власть» и «собственность» при феодализме были неразличимы. «Земельная собственность феодала была опосредована его властью над крестьянином, собственностью на его личность», «Король жаловал, собственно,

власть над людьми, а не земельное владение, иммунитет, а не поместье». «Феодальная собственность представляла собой не право свободного распоряжения какой-либо территорией, а власть над людьми, живущими и трудящимися на этой земле». «Вопрос о собственности был вместе с тем вопросом о власти»¹⁶. Предоставляю читателю судить, кто первый сказал «а». Для меня важен не приоритет личностей, а приоритет Западной Европы. Давно признано, что власть-собственность — это признак феодальных общественных (включая экономические) отношений.

Конечно, можно на этом основании считать западноевропейские государства в Средние века «восточными деспотиями». Но эта новация Леонида Сергеевича вряд ли будет воспринята всерьез.

Не останавливаясь на ошибках, допущенных автором при изложении индийских сюжетов. В книге такого масштаба ошибки в чуждом материале случаются. Но создается впечатление, что Л.С. Васильев при работе над индийскими главами пользовался не очень доброкачественной литературой¹⁷.

В основу концепции положена простая схема, решительно подчиняющая себе реальную историю. Постоянно применяется прием «выпрямления». Это и выстраивание единой линии возникновения стратифицированного общества и государства — на основе этнографических, антропологических, а не исторических данных. Это и логическое, а не историческое понимание процесса возникновения централизованной эксплуатации («власти-собственности», «ренды-налога»). Это и схематизация средневековых восточных обществ (всяческое умаление негосударственных экономических и социальных отношений). Это и схематизация (и, следовательно, примитивизация) западноевропейского пути развития — спрямление его вплоть до отождествления античного и капиталистического обществ. Но история не

подчиняется подобным упрощенным схемам. Концепцию исторического процесса еще предстоит выработать.

Недавно Олег Ефимович Непомнин выступил с книгой, также претендующей на теоретическое обобщение исторического процесса в странах Азии. Он включил в книгу несколько статей Николая Алексеевича Иванова (1928–1994) и главу, написанную В.А. Тюриным (последний почему-то не значится в числе авторов и в списке копирайтеров, правда, он упомянут в предисловии), но это не меняет того факта, что книга в целом отражает взгляды именно Непомнина: он писал большинство глав, он отбирал другие тексты для включения в книгу¹⁸.

Его концепция переплетается с рассмотренной выше концепцией Л.С. Васильева, но отличается от нее многими важными качествами.

Основная задумка книги — выделить на Востоке несколько «моделей» общественных отношений, отличающихся не только от «Запада», но и друг от друга. В отличие от Васильева, он хочет не «обобщить» Восток в единообразную схему, а выявить различия между азиатскими цивилизациями. В принципе такой подход может оказаться плодотворным. Если определять особенности «моделей» некими объективными методами. И если предложить убедительные параметры сравнения.

Намекает автор также на то, что средневековый Восток отличался от древнего. У него встречаются «древняя формация» (с. 17), «стадия древнего мира» (с. 21), «дофеодалные институты». Правда, не разъясняется, что это такое.

Что касается презентации отдельных моделей, возникает масса возражений и недоумений. У меня как индолога больше всего возражений вызывает подача индийского материала. Не буду об этом говорить, потому что это не уместится ни в какую статью приличного размера. Кратко говоря, автор значительно «ев-

ропеизировал» средневековую Индию, приняв некоторые едва намечавшиеся тенденции за сложившиеся институты. Япония как «модель» европеизирована тотально. Здесь достаточно сказать, что автор называет частной собственностью на землю владения князей (*дайме*) и *сегуна* (с. 264–265)¹⁹. В таком случае нужно и государственные земли в Китае и других странах тоже назвать частной собственностью императоров и падишахов.

Что касается метода сравнения, то утверждается, что «Запад» не должен быть эталоном (с. 15), однако по сути дела именно он взят за точку отсчета. По всей книге восточные общества выступают как более или менее удаленные от этого эталона (с. 5, 426). Но в самом конце все переворачивается: «Абсолютное большинство древних и средневековых обществ возникало и функционировало в рамках азиатского способа производства. Именно последний претендует на роль общемировой нормы. Тем самым античный Запад (Греция и Рим), а затем и западноевропейский (и японский) феодализм оказываются отклонениями от нормы, т.е. являются боковой ветвью древа мировой истории» (с. 428).

Вопреки общей задумке книги, значительная ее часть (5 глав) посвящена рассуждениям на уровне: «Запад» в целом и «Восток» в целом, без «расчленения». При этом, конечно (это неизбежно при таком подходе), автор конструирует свой собственный «Запад» и свой собственный «Восток».

Автор заявляет, что «мы берем западную модель как нечто целое» (с. 112). Прекрасно, можно абстрагироваться от особенностей Италии или Скандинавии. Но нельзя отвлечься от истории. Европа в Средние века развивалась очень быстро, и сопряжение данных разных веков в едином тексте может создать искаженную картину. С «Западом» какого времени Непомнин сравнивает «Восток»? По прочтении выявляется, что таких «Западов» два. Автор имеет в виду либо модель «классиче-

ского феодализма», которая существовала только в мозгах мыслителей Возрождения и в наших учебниках политэкономии, либо Европу позднефеодальную, синхронную рассматриваемому им «Востоку» (с. 75). Но, по его же словам, Восток (кроме Японии) не дошел до стадии «позднего феодализма». Какой же смысл сравнивать общества разного уровня развития?

Что касается «классического феодализма», то этот виртуальный «Запад» «полностью и давно очистился от ... отсталых звеньев и прошлых стадий», «внутри западного мира существовали лишь развитые феодальные общества» (с. 19), «на Западе в разных странах наблюдался один и тот же уровень развития феодальной государственности» (с. 25). «В Западной Европе ... решающим фактором формирования позднесредневековых классов в конце концов стала частная собственность — сильная и независимая от короны» (с. 28)²⁰. «Целью производства здесь (в средневековой Западной Европе — Л.А.) была прибыль» (с. 63)²¹. После хозяйственного упадка, связанного с падением Западной Римской империи, Европа больше не знала спадов, «движение — только вперед, по восходящей» (с. 114)²². «В западном варианте власть оказалась вторичной, проистекая из сферы сначала землевладения, а затем земельной собственности, т.е. из экономики» (с. 28)²³. «В Западной Европе королевскую власть ограничивали органы сословного представительства — парламент, кортесы, Генеральные штаты, ландтаги» (с. 29)²⁴. «На Западе власть оказалась отделена от собственности», «западноевропейские феодалы — аристократия и дворянство — стали не государственным, а частным социальным образованием». «Амальгама власть-собственность здесь не сложилась» (с. 31). «В Европе власть и собственность оказались разделенными» (с. 77).

Разбирая концепцию Л.С. Васильева, я уже писал о том, что «власть-собственность» — это и есть характери-

стика любой феодальной собственности. Среди востоковедов распространено представление, что западноевропейский феодализм был основан на частной собственности. Это родовая травма бывших марксистов. Мы привыкли танцевать от «производственных отношений», «основой» которых, как нам разъяснил тов. Сталин, является та или иная «собственность на средства производства» — общественная, рабовладельческая, феодальная или буржуазная²⁵. А в предсмертной работе «Экономические вопросы социализма в СССР» он приказал считать, что основой феодальных отношений является феодальная собственность на землю²⁶. Исследования показывают, что власть-собственность — это не тот признак, который отличает феодальный Запад от средневекового Востока.

Должен доложить, что в последнее время историки-медиевисты, как западные, так и отечественные, обнаружили, что западноевропейское общество в Средние века значительно отличалось от той модели феодализма, которая сложилась в их умах в прежние годы²⁷. Они **перестали находить феодализм** в изучаемых ими странах²⁸. Чтобы дать понять, о чем идет речь в дискуссиях, приведем несколько цитат. И.В. Дубровский излагает соображения Г. Рейнолдс, а также комментирует их от себя: «Представление о вассалитете сложилось в те историографические времена, когда отрицали существование в Средние века политической власти и всякого понятия о публичном». «Понятием вассалитета нередко стремятся описать нормальные отношения между правителем и подданными». «В качестве земельного пожалования феодал нередко подразумевает собой в это время (около 1000 г. — Л.А.) род собственности, которой наделяются графы, виконты, викарии и другие высокопоставленные представители публичной власти из фонда публичных (фискальных) земель, отчего слово *fiscus* оказывается обычным синонимом феодала, а сами пожалования

привязаны к административному делению на графства, викарии и затем кастильянства». «Сеньориальный строй не основывался на системе поземельных отношений в той степени, как это было в позднее Средневековье. Власть существовала, так сказать, в чистом виде — не будучи опосредованной поземельными правами, не выступая в их облике. Власть в этом мире — она и есть власть». «Никогда до XIII в. феодал не обозначал собственности знати как таковой; некоей особой благородной собственности до тех пор вообще не существовало»²⁹. Французский историк А. Герро утверждает, что в так называемые Средние века преобладала система «глобального господства», и лишь «упразднение глобального господства (к XVIII в. — Л.А.) позволило выделить внутри феодальных отношений право собственности, и светские аристократы незаметно (выделено мной. — Л.А.) превратились в землевладельцев»³⁰. Наши расхожие представления, что западноевропейский феодализм базировался на отношениях частной собственности на землю, оказались неверными, они попросту устарели. Таким образом, «расплывается» «точка отсчета»: с чем же, в самом деле, сравнивать «Восток» или его отдельные части?

О.Е. Непомнин придерживается «учения о формационном развитии человеческого общества» (с. 420). Но как он его понимает? Сколько формаций он насчитывает? В «Предисловии»³¹ утверждается, что Непомнин считает формацию на традиционном Востоке «азиатским способом производства» (с. 5)³². Но он сам утверждает обратное: концепция «восточного феодализма» «так и не была поколеблена. Более того, именно она оказалась наиболее аргументированной и успешно применимой к реалиям средневекового Востока ... Поэтому мы (т.е. Непомнин. — Л.А.) пользуемся здесь именно этой концепцией» (с. 15). На Востоке и Западе «имело место параллельное и одновременное сосущество-

вание двух самостоятельных вариантов, или типов, единой формации» (Там же. Выделено мной. — Л.А.). Но если это так, при чем здесь АСП?

В «Заключении», как уже упоминалось, АСП оказывается столбовой дорогой человечества (за исключением некоторых отщепенцев). На с. 417 нам сообщают, что спор о том, как называть общественный строй традиционного Востока: «азиатским способом производства», «восточным феодализмом», «государственным феодализмом» или «государственным способом производства», — является «бесполезным и бессмысленным» (с. 417). Однако на с. 426 оказывается, что «восточный феодализм» и «азиатский способ производства» — это две разные формации³³. В Китае же начиная с древности и до современности «неизменной формацией» был АСП, а «феодализм» возникал время от времени как политическая надстройка (с. 214, 327). Но все это не помешало Китаю уже в VII в. войти «в стадию развитого феодализма» (с. 258, 260).

Автор утверждает, что феодальная «формация на обоих континентах развивалась по сходным ступеням эволюции», но процессы феодализации «шли с отставанием Азии от Европы на два-три столетия» (с. 71). Ниже автор поясняет, что «к XVII–XVIII вв. Азия полностью реализовала все возможности собственного ... варианта исторической эволюции», остановившись на «второй стадии» феодализма («развитой феодализм»). «Развитым феодализмом» в Европе обычно считаются XI–XV вв. Надо ли понимать так, что в странах Западной Европы в XI или XV вв. существовал тот же строй, что и в странах Востока в XVIII в.? Автор вряд ли хотел это сказать, но в чем же состоит концепция?

Раз уж от формаций автор не отказывается, неплохо было бы сейчас, в обстановке неразберихи в методологии исторического исследования (когда от марксизма отошли, не отрекшись), четко сформулировать, что именно понима-

ется под «архаикой», «первичной формацией», «древней формацией», «стадий древнего мира», и что такое феодализм, «чистый феодализм» (с. 18), «раннефеодальная стадия», «развитый феодализм», «вторая фаза» феодализма, «уровень развитого феодализма» (с. 21). Что такое «формационная чистота», «снижение формационного уровня» (с. 17), «общий кризис феодализма» (с. 72)³⁴. И что такое «многолинейная эволюция» (с. 24). Куда вела линия?

Что касается того «Востока», который используется в книге для сравнения с Европой, то он, как говорилось, с одной стороны, традиционен (т.е. соответствует модели, выработанной европейской колонизаторской историографией XIX в.), а с другой — специфичен, опирается на представления Непомнина о Китае.

Автор утверждает, что «в Азии частное владение землей не вело к установлению власти над населением» (с. 79). Что горизонтальные связи — групповые, клановые, патронажные, отношения личной зависимости — были «частью политической системы», т.е. институтами, упрочивавшими власть восточной деспотии (с. 88–89). Что «Азиатская ... государственная машина не допускала самостоятельной организации крупных, средних и мелких частных землевладельцев в любой форме и в любых масштабах» (с. 91). Что сельская община в Китае разложилась еще в древности (с. 303, 307, 309)³⁵. «Деревенские старосты либо назначались властями, либо утверждались ими» (с. 89). «На средневековом Востоке в условиях азиатской деспотии не могло быть независимых от монарха “частных войск” и отрядов» (с. 92). Все эти утверждения можно оспорить или уточнить. В данной статье для этого нет места. Могу лишь сказать, что отечественные востоковеды опубликовали значительное количество работ, освещающих не схему «восточного общества», а конкретные его проявления.

Мне кажется, что китаисты находят ся под влиянием имеющих ся у них источников, которые исходят «сверху» — от двора, из столицы. У исследователей создается превратное впечатление о могуществе центральной власти. Мы, индологи, тоже думали, что власть в Индии безгранично сильна, пока пользовались персоязычными хрониками и налоговыми инструкциями. Но введенные в оборот новые источники (купчие и другие документы на уровне деревни) заставили переменить эти взгляды³⁶. Отсутствие подобных источников в распоряжении китаистов, возможно, объясняет их убеждение типа того, что в Китае «государство формировало общество» (с. 118). Мне кажется, что общины всякого рода **успешно** противодействовали бездушному государственному регулированию. Я уверен, что успешно, потому что иначе восточные деспотии истощили бы свои ресурсы в несколько лет, и империи не были бы многовековыми.

Автор остается на позициях отставания Востока от Западной Европы на единственно возможном пути. Основная причина отставания — наличие первобытной периферии и разрушения, причинявшиеся кочевниками (с. 18–19, 21). Некоторые его формулировки отражают, видимо, представление (как и у Васильева), что община в средневековом обществе являлась пережитком первобытности. Поэтому у него фигурируют некое «дофеодальное свободное общинное крестьянство», которое подвергается «феодализации», однако оказывают этому процессу сопротивление (с. 306, 308–309 и др.). Все это — результат совершенно неправильного понимания института общины в стратифицированном («классовом», если хотите) обществе. Об этом уже говорилось в связи с концепцией Васильева. Община повсюду, где она прослеживается как активный институт (в Германии — с XII в.; в России — с XVII в., в Индии — с периода древности, точную дату установить невозможно, по-

тому что источники не датированы), никакого отношения к первобытности не имеет и играет важную роль в функционировании именно такого общества³⁷. Противопоставить Восток, как «зараженного первобытностью», Западу, как «свободному от первобытности», тоже не удастся.

Действительно важным отличием цивилизаций Востока от Западной Европы, на которое наши ученые обращали мало внимания, являлась разная роль **права** в этих обществах. Европейцы все отношения стремились закрепить в праве, а на Востоке обходились без права, закрепленного в законе. Не была законодательно закреплена не только низовая собственность налогоплательщиков (что неудивительно), но ведь и верховная собственность государства не имела юридического закрепления. «Государственная собственность на землю» — это наше юридическое европеоидное понимание ситуации, когда возможности контрагентов не фиксируются, зависят от соотношения сил.

Отрадной особенностью книги Непомнина является признание того, что помимо отношений, завязанных на государство, в Азии существовали и частнофеодальные отношения. Это существенная корректировка расхожего представления о Востоке. Но здесь, как и в других вопросах, автор совмещает противоречивые формулировки. С одной стороны, «азиатский феодализм» у него состоит из двух систем: государственной и частной. Существуют два различных класса феодалов: государственные и частные. Сосуществуют две формы изъятия прибавочного продукта: рента-налог и частная земельная рента (с. 27, 36). Взаимодействуют «две антиподные структуры» (с. 27), «два господствующих класса — верховный и частнофеодальный» (с. 37, см. также с. 33–34, 36, 38). Но при этом не проводится четкого различия между владельцами права на налог (участников государственной эксплуатации общин) и налогоплательщика-

ми, низовыми собственниками. Не разъясняется также, что слой подчиненных собственников в социальном плане представлял собой единство (что и проявлялось в так называемых «крестьянских» восстаниях), а с другой стороны, охватывал разные в классовом отношении группы — как крестьян, так и эксплуататоров. Этим последним он иногда тоже называет «крестьянами» или «общинной верхушкой» (с. 306–307). Смешение двух слоев сельского населения — доминирующих полноправных общинников, с одной стороны, и собственно крестьян и безземельных работников — с другой — проходит по всей работе.

Главное же — автор не видит, что его признание наличия двух феодальных классов требует пересмотра всей концепции азиатского общества. «Азиатский феодализм» не может при таком понимании быть «средой монопольного господства в руках самого госаппарата» (с. 30. Сохраняю стиль автора. — Л.А.). Рента и налог не могут «совпадать», соответствующие цитаты Маркса, пользующиеся до сих пор популярностью, уже не годятся.

Правда, класс частных феодалов, по О.Е. Непомнину, извлекает частную ренту, не имея собственности на землю, опираясь только на право владения. Ладно, допустим, что в этом состоит развитие автором марксистского учения о собственности и о классах.

Объясняется такая позиция тем, что автор прилагает к Востоку эталон, прокрустово ложе, «полной частной собственности», рассматривая эту категорию как внеисторическую. Но если действовать таким методом, то и в средневековой Европе, да и в Античности мы собственности не найдем. Выше приводились примеры, показывающие, что и в Европе в Древности и Средневековье абсолютной частной собственности не было. Среди советских юристов долго шла дискуссия, как надо понимать собственность. Наиболее крайних взглядов по этому вопросу придерживался М.В. Кол-

ганов. Он считал, что собственности не существовало, пока не возникло буржуазное право собственности. «Владение — такова, согласно Марксу, форма земельной собственности во всех докапиталистических обществах»³⁸. Это именно юридический, а не исторический и не политэкономический подход.

Мне кажется, что институты, в том числе институт собственности, исторически изменчивы, и нужно исходить не из определений, которые мы сами измыслили, а из того понимания, которое сложилось в изучаемом обществе. В средневековой Индии общинники-налогоплательщики назывались «собственниками» (*маликами*), «вотчинниками» (*ватандарами*), «господами земли» (*арбаб-и замин*), их права назывались «собственностью» (*милькият*). Они имели право наследования и отчуждения — продажи, заклада, сдачи в аренду (см. у Непомнина с. 33, 35, 39). Я не вижу оснований переименовывать их во «владельцев». Я называю их «подчиненными» или «податными» собственниками, указывая на те ограничения, которые накладывались на их права.

Я не касаюсь здесь рассуждений автора по поводу «соотношения китайской модели и китайской цивилизации», или об особом, циклическом типе эволюции китайского социума (с. 112–116, 254), потому что эти сюжеты мне совершенно

непонятны. Я не вижу в концепции циклического развития Китая (выдвинутой еще в период Чжоу для легитимации очередного переворота) ни объясняющей способности, ни китайской специфики. Циклическая история характерна для всех восточных обществ. Автор правильно пишет, что «вся история Среднего государства в понимании традиционного китайца» (выделено мной. — Л.А.) представляла собой периодическую смену «порядка» и «расцвета» «хаосом и упадком» (с. 258). Непонятно, почему современный исследователь должен оставаться на ментальном уровне «традиционного китайца».

Априори понятно, что восточная и западноевропейская системы были различны, шли по разным векторам, что видно хотя бы по результатам движения. Но нельзя сказать, что вопрос о существовании различий ясен или проясняется в последние годы. Нужны, во-первых, новые подходы к периодизации исторического процесса, исходящие не из единого фактора (способа производства или чего-то иного), а из многофакторной парадигмы. Нужны новые серьезные исследования пути развития Запада. Я пытался показать, что наши представления об этом крайне устарели. Основой же любых концепций может служить только глубокое изучение тех стран, которыми мы занимаемся.

¹ Васильев Л.С. Всеобщая история : в 6 т. Т. 1. Древний Восток и античность. Т. 2. Восток и Запад в Средние века : учебное пособие. М. : Высш. шк., 2007. С. 447, 478. [Vasiliev L.S. Vseobshchaya istoriya. V 6 tomah. Tom 1. Drevnii Vostok i antichnost'. Tom 2. Vostok i Zapad v sredniye veka. Uchebnoe posobiye. M.: Vis'shaya shkola, 2007. S.447, 478.] (Вышли также 3-й и 4-й тома задуманного шеститомника, но они не содержат дальнейшего развития концепции.); Непомнин О.Е., Иванов Н.А. Типология азиатских обществ. М. : Вост. лит., 2010. [Nepomnin O.E., N.A.Ivanov. Tipologiya aziatskih obshchestv. M.: Vost. Lit., 2010] Я опубликовал рецензию на два первых тома работы Л.С. Васильева. (см.: Алаев Л.Б. Всеобщая история от Леонида Сергеевича // Восток. 2009. № 2. С. 209–220. [Alaev L.B. Vseobshchaya istoriya ot Leonida Sergeevicha // Vostok. 2009. № 2. С. 209–220.]. В данной статье я повторяю некоторые тезисы этой рецензии.

² Васильев Л.С. История Востока. Т. 1–2. М. : Высшая школа, 1993; 1994; 2001; 2003; 2004; 2008. [Vasiliev L.S. Istoriya Vostoka. T. 1–2. M.: Vis'shaya shkola, 1993; 1994; 2001; 2003; 2004; 2008.]

³ В данной части статьи ссылки в тексте относятся к первым двум томам «Всеобщей истории» Л.С. Васильева.

⁴ См.: Рашковский Е.Б. Азиатский способ производства как историографическая проблема // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. В честь С.О.Шмидта. М.,

2002. С. 403–405. [Rashkovkiy E.B. Aziatskiy sposob proizvodstva kak istoriograficheskaya problema // Istochnikovovedenie I istoriografiya v mire gumanitarnogo zananiya. V chest' S.O.Shmidta. M., 2002. S. 403–405.]
- ⁵ Алаев Л.Б. Община в его жизни. История нескольких научных идей в документах и материалах / автор и сост. Л.Б. Алаев. М. : Вост. лит., 2000. С. 437, 439–440. [Alaev L.B. Obtschina v ego zhizni. Istoriya neskolkih nauchnyh idei v dokumentah I materialah / avtor i sost/ L.B.Alaev. M. : Vost. Lit., 2000. С. 437, 439–440.]
- ⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. С. 20. [Marx K., Engels F. Sochineniya. T. 13. S. 20.]
- ⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. С. 88. [Marx K., Engels F. Sochineniya. T. 23. S. 88.]
- ⁸ Там же. С. 346.
- ⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 32. С. 36. [Marx K., Engels F. Sochineniya. T. 32. S.36.] Выделено мной. — Л.А.
- ¹⁰ Алаев Л.Б. Проблема сельской общины в классовых обществах // Вопросы истории. 1977. № 2. [Alaev L.B. Problema selskoi obtschini v klassobih obtschestvah // Voprosi istorii. 1977. № 2.]; Алаев Л.Б. Община в его жизни ... С. 168–182. [Alaev L.B. Obtschina v ego zhizni... S. 168-182.]
- ¹¹ Семенов Ю.И. О стадильной типологии общины // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 75–81 [Semenov Y.I. O stadial' noi tipologii obtschini // Problemi tipologii v etnografii. M., 1979. S. 75-81]; Семенов Ю.И. Экономическая этнология. Первобытное и раннее классовое общество. Часть II. М., 1993. С. 411–412. [Semenov Y.I. Ekonomicheskaya etnologiya. Pervobitnoye I rannee klassovoie obtschestvo. Chast' 2. M., 1993. S. 411–412.]
- ¹² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. С. 418. [Marx K., Engels F. Sochineniya. T. 19. S. 418.]
- ¹³ История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 1. Формирование феодально-зависимого крестьянства. М. : Наука, 1985. С. 90–136. [Istoriya krest'ianstva v Evrope. Epoha feodalizma. T.1. Formirovanie feodalno-zavisimogo krest'ianstva. M. : Nauka, 1985. S. 90–136.] См. также: Гуревич Арон. Избранные труды. Норвежское общество. М. : Традиция, 2009. С. 201–254. [Gurevich A. Izbrannie trudi. Norvezhskoie obtschestvo. M. : Traditsiia, 2009. S. 201–254.]
- ¹⁴ В статье о феномене феодализма Л.С. Васильев, упрекая меня за то, что я поставил под сомнение его приоритет во введении в научный оборот понятия «власть–собственность», а также исказил содержание этого понятия, пишет, что в его работах, «где часто употребляется термин «власть–собственность», никогда ничего не говорилось о «восточной системе эксплуатации». Вообще, понятие «власть–собственность» не имеет прямой связи с марксистским представлением об «эксплуатации трудящихся»: оно много глубже и серьезнее, нежели это представляется Алаеву, который оперирует им довольно легкомысленно и часто невпопад» (Васильев Л.А. Феномен феодализма (Новый взгляд на старую проблему) // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 152). [Vasiliev L.A. Fenomen feodalizma (novyi vzgliad na staruiu problemu) // Obtschestvenniye nauki I sovremennost'. 2007. № 6. S. 152.] Близкую по содержанию сноску см. в рассматриваемом двухтомнике, II, с. 39. Упрек, видимо, справедлив. Я действительно не представляю, что за глубина скрывается под этим понятием. «Власть» — это значит право на налог. «Собственность» — это значит право на ренту. Объединение этих понятий означает особую форму эксплуатации. Кого? Трудящихся или нетрудящихся — это как когда, и это другой вопрос.
- ¹⁵ Маринович Л.П. Античная и современная демократия: новые подходы к сопоставлению : учебное пособие. М. : КДУ, 2007. С. 13. [Marinovich L.P. Antichnaya I sovremennaya demokratiya: novie podhodi k sopostavleniiu. Uchebnoe posobie. M.: KDU, 2007. S. 13.]
- ¹⁶ Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М. : Высшая школа, 1970. С. 44, 45, 46, 59. [Gurevich A.Ya. problema genezisa feodalizma v Zapadnoi Evrope. M. : Vis'shaya shkola, 1970. S. 44, 45, 46, 59.] См. также: Гуревич А.Я. Проблема земельной собственности в дофеодальных и раннефеодальных обществах Западной Европы // Вопросы истории. 1968. № 4. С. 97, 98, 99, 103. [Gurevich A.Y. Problema zemel' noi sobstvennosti v dofeodal' nih I rannefeodal' nih obtschestvah zapadnoi Evropi // Voprosi istorii. 1968. № 4. С. 97, 98, 99, 103.] Помню, как ортодоксы ругали А.Я. Гуревича за «власть–собственность» (как и за другие новации). Как же так: ведь власть — это надстройка, а собственность — это базис. Как же можно их смешивать!
- ¹⁷ Об индологических ошибках Л.С. Васильева см. мою рецензию, упомянутую выше.
- ¹⁸ Здесь встает не только этическая проблема (захотел ли бы Н.И. Иванов включить свои тексты в такого рода книгу, сочетать свои идеи с идеями О.Е. Непомнина), но и чисто академический вопрос: насколько его тексты отражают современное состояние в этой отрасли знаний. Второй вопрос сводится к первому: не захотел бы Иванов переписать свои старые тексты?
- ¹⁹ Во второй части статьи ссылки в тексте указывают на страницы книги О.Е. Непомнина и Н.А. Иванова.

- ²⁰ Заметим от себя: да, стала, но «в конце концов» и для «позднесредневековых классов». А как дело обстояло раньше? В «Средние века» в собственном смысле?
- ²¹ Обычно считается, что эта цель стала главной только в эпоху капитализма.
- ²² Но известен кризис XIV в., вызвавший огромное сокращение населения; стагнация XV в. Неуклонный рост населения начался только в XVIII в.
- ²³ Интересно, из какой экономики проистекала власть королей и баронов?
- ²⁴ Когда?
- ²⁵ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М.: ОГИЗ, 1939. С. 556. [Stalin I.V. Voprosy leninisma. Izdanie odinnadsatoie. М.: ОГИЗ, 1939. S. 556.] Новацией Сталина явилась также формулировка о «неполной собственности на работника производства» при феодализме.
- ²⁶ Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 98. [Stalin I.V. Ekonomicheskiye problemisotsializma v SSSR. М., 1952. S.98.] В этой же работе Сталин объявил, что «формы собственности на средства производства» определяют все иные производственные отношения (Там же. С. 172–173.)
- ²⁷ Одиссей. Человек в истории. 2006. Феодализм перед судом историков. М.: Наука, 2006. С. 5–200. [Odissei. Chelovek v istorii. 2006. feodalizm pered sudom istorikov. М.: Nauka, 2006. S. 5–200]
- ²⁸ См., напр.: Reynolds S. Fiefs and Vassals. The Medieval Evidence Reinterpreted. Oxford, 1994.
- ²⁹ Одиссей... С. 52, 53, 55–57. [Odissei... S. 52, 53, 55–57.]
- ³⁰ Там же. С. 101.
- ³¹ Автор не указан. Авторские права имеют М.Н. Иванов и И.Б. Иванова.
- ³² Обращаю внимание на то, что в данной формулировке и приводимых ниже смешиваются понятия «формация» и «способ производства». Если уж употреблять марксистские категории, то надо делать это грамотно.
- ³³ О.Е. Непомнин дополняет формационную теорию идей «синтеза» местных «прогрессивных элементов» с «внешними элементами» (с. 422). Модная несколько лет тому назад идея «синтеза» требует отдельного рассмотрения и в данной статье не рассматривается. В разбираемой книге проблема «синтеза» затронута только в главе о Тайване, которая с основным содержанием книги не связана.
- ³⁴ До сих пор нам был известен только «общий кризис капитализма», о котором, к счастью, сегодня все забыли.
- ³⁵ Я не владею материалом по Китаю, но знаю, что аграрное общество без общины не может существовать. Как мне известно из других работ, государственный аппарат в императорском Китае не проникал ниже уезда. Далее простиралась, скорее всего, общинная жизнь.
- ³⁶ Фундаментальная работа по этой теме: Habib I. The Agrarian System of Mughal India (1556–1707). Bombay, 1963; Sec. ed. Delhi, 1999.
- ³⁷ Указания на многочисленные исследования на этот счет см. в: Алаев Л.Б. Община в его жизни... С. 15–201. [Alaiev L.B. Obtschina v ego zhizni.... S. 15–201.]
- ³⁸ Колганов М.В. Собственность в социалистическом обществе. М., 1953. С. 12. [Kolganov M.V. Sobstvennost v sotsialisticheskom obtschestve. М., 1953. S.12.]